

НАТАЛЬЯ
ШНЕЙДЕР

ХОЗЯЙКА
заброшенного
ПОМЕСТЬЯ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш76

Иллюстрация *И. Косулиной*

Шнейдер, Наталья.
Ш76 Хозяйка заброшенного поместья / Наталья Шнейдер. — Москва : Эксмо, 2026. — 448 с.
ISBN 978-5-04-248902-0

Попасть в другой мир — полбеды. Куда хуже очнуться чужой женой, да еще такой, от которой муж мечтает избавиться.

Он оставил мне старое поместье, клочок земли и скорый развод. Отлично. Дом приведу в порядок, хозяйство подниму, огород посажу и проживу без всяких мужей.

Только объясните мне, пожалуйста, почему этот невозможный человек вдруг передумал разводиться?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248902-0

© Наталья Шнейдер, текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Глава 1

— Нервная горячка, никаких сомнений быть не может.

От изумления я даже забыла, что сил нет ресницы поднять, и про трубку в гортани тоже. Распахнула глаза.

— Евгений Петрович, вы в своем уме? Такого диагноза вот уже лет сто не существует!

Только увидела я вовсе не своего лечащего врача.

Я, конечно, знала, что дела мои плохи, и не удивилась бы, обнаружив рядом ангелов в белоснежных хламидах. Тем более что вон тому брюнету только меча огненного не хватает. Лицо суровое, взгляд из-под наспуленных бровей прямо-таки молнии мечет, аж зажмуриться хочется. Но одет он был не в белую хламиду, а в какой-то костюм столетней давности. Второй будто сошел со страниц учебника по истории медицины: пенсне, борода клинышком, сюртук или как там его... Неужели мода на том свете тоже отстала на пару веков, как и медицина?

А зачем им медицина? Бранных тел нет, лечить нечего.

О чем я думаю? Где мой лечащий врач? Что за бред?

— Бред, — подтвердил мои мысли тот, в пенсне, и я узнала голос, говоривший о нервной горячке. — Пойдемте, не будем беспокоить больную.

Скрипнула дверь, но не стукнула. По лицу пробежал сквозняк. Я поморщилась: еще и двери толком закрыть не могут.

Которых в реанимации нет и не может быть.

— Вы уверены, что Анастасия не притворяется?

А это, наверное, тот, который без меча. Глубокий, бархатный баритон. Таким бы серенады петь и в любви признаваться, только сейчас в нем было слишком много раздражения.

Конечно, реанимация инфекционки — идеальное место для симулянтов, именно потому я тут и оказалась!

— От моей жены всего можно ожидать.

Какой жены? Своей женой меня может называть только один человек, да и то бывшей. Но этот, без меча огненного, явно не он. Наверное, где-то на соседней койке лежит еще одна Анастасия, которую не слишком любит муж.

— Ни о каком притворстве не может быть и речи.

— Это все усложняет.

— Грешно так говорить, но, может быть, наоборот? — Это снова тот, в пенсне. Может быть, будет лучше, если бедняжка вовсе не придет в себя?

Может, оно и к лучшему, учитывая возможные осложнения менингита, да только я не прочь бы еще пожить. Желательно, конечно, не глухой, не парализованной и без эпилепсии, но тут уж как повезет. В любом случае на тот свет еще никто не опаздывал, и я не тороплюсь.

— Евгений Петрович, вы в своем уме? — возмутился тот, что без меча.

Определенно нет. Ни один врач в здравом уме не скажет родственнику пациента, мол, лучше бы бедняжке отойти в мир иной. Поправочка: современный врач. А от бреда всего можно ожидать. Только бред мог превратить дежурного реаниматолога в этого пронафталиненного типа. Интересно, кто на самом деле другой?

— Вы предлагаете уморить Анастасию? Как бы я ни относился к жене, смерти я ей не желаю!

— Не оскорбляйте меня подобными подозрениями. Свой долг я помню и его выполню, — сухо произнес тот, кого назвали Евгением Петровичем.

— Вот и замечательно. Сделайте все, чтобы ее спасти. Пусть живет. — В низком голосе появилось злорадство.

Вот спасибо, разрешил, благодетель! Да уж назло тебе не сдохну!

— А вы злопамятны, Виктор Александрович.

Какой Виктор? Не знаю я никаких Викторов!

— То, как вы обошлись с бедняжкой, хуже смерти.

— Анастасия заслужила все, что с ней случилось. Пусть теперь живет и жалеет о том, что потеряла.

Ну уж о таком сокровище, как ты, вряд ли кто-то жалеть будет. Почему все красивые мужики такие самовлюбленные сволочи? Или это просто мне на таких всю жизнь везло?

— Я помню свой долг. Но, повторяюсь, пока прогноз неблагоприятен.

Да поняла я, поняла! Достали уже меня раньше времени хоронить!

Ведомая непонятным мне самой чувством противоречия, я сползла с кровати. Уже совершенно не удивилась, что отделение реанимации выглядит комнатой

в старом доме. По ногам прошелся сквозняк, но мне было наплевать. Пять шагов до двери, я распахнула ее.

— Не дождетесь!

Первым опомнился доктор, или кто он там.

— Анастасия Павловна, вам нужно...

— Я Петровна. И вообще...

Что «вообще», я не договорила. Закружилась голова, в глазах потемнело, ноги подогнулись. Кажется, перед тем как я отключилась, меня подхватили сильные руки, но, может быть, мне это только показалось.

Лоб обожгло холодом, ледяные струи потекли по вискам, за уши. Я взвизгнула и резко села. Со лба соскользнула мокрая тряпка, проехала по лицу, взбодрилась окончательно.

— Очнулась, касаточка! — прозвучал за спиной женский голос с характерным старческим дребезжанием.

Я оглянулась.

Старуха в допотопном наряде. Широкие рукава, душегрейка, платок. Выглядело все изрядно поношенным, залатанным, но чистым.

Застонав — снова этот бред! — я рухнула на подушки. Бабка, подскочив, опять водрузила мне на лоб тряпку. Выругавшись, я отшвырнула ее.

Верните меня в реанимацию! Там, по крайней мере, никакую ледяную гадость на голову не кладут. И вообще...

И вообще, до чего же настоящим все кажется! Я подняла руки, чтобы ущипнуть себя, и застыла. То, что они сейчас кажутся раза в полтора тоньше моих, очевидно реанимация не санаторий, и приехала я туда не из-за сломанного ногтя. Но где сыпь? За несколько дней она точно не пройдет.

— Грех вам такое говорить, Настенька. Матушка ваша слышала бы такие слова, в гробу бы перевернулась.

Да мама моя, царствие ей небесное, в последние годы сама не гнушалась завернуть в три этажа! А мужики в родной деревне матом не ругались, они на нем разговаривали.

Я ущипнула себя старательно, со всей силы. Больно! Но я даже не ойкнула — ошалело наблюдала, как место щипка сперва побелело, потом начало краснеть.

Нет. Это не бред. Слишком все реально для бреда. Я подергала кружевной край батистового рукава, сползшего до локтя. Снова уставилась на тонкие, почти прозрачные девичьи руки с торчащей на запястье трогательной косточкой и голубыми прожилками вен под белой-белой кожей. Сейчас я заметила и то, на что не обратила внимания раньше. Даже в лучшие мои годы у меня не было таких узких запястий: рабоче-крестьянское происхождение давало о себе знать. А в последнее время я и вовсе раздобрела, все собиралась заняться собой, да все было недосуг... А сейчас пальцы длинные, изящные, таким только над клавишами порхать. Клавесина.

Я села, огляделась. Стены, оклеенные выцветшими обоями, комод, зеркало в растрескавшейся деревянной раме. Я попыталась в него заглянуть, не вставая с постели, но мутное стекло отражало только дверь. Ту самую перекошенную дверь, которую я распахнула, чтобы высказать двум типам без хламид все, что я о них думаю.

Да плевать на них. Где я? Что со мной?

Я свесила ноги с кровати, чтобы встать и заглянуть в зеркало. Что ж так по полу свищет?! Но, прежде чем

я успела встать, бабка стала давить мне на плечи, стараясь опрокинуть на кровать.

— Ишь, резвая какая! Ложись. Ложись обратно!

Сил сопротивляться не нашлось. Накатила дурнотная слабость. Я позволила старухе уронить себя на подушки, укутать одеялом по самый подбородок.

— Вот так, касаточка моя, лежи.

Так. То ли бред продолжается. То ли я все же умерла в реанимации и теперь эта комната, в которой все прямо-таки кричало о ветхости и небрежении, мой персональный ад.

Но если я умерла... Лена! Как она там, без меня? На глаза сами собой навернулись слезы.

— Не плачь, касаточка. Что бог ни делает, то к лучшему. А аспид твой пожалеет еще, что так с тобой обошелся.

Да плевала я на всех аспидов, вместе взятых! У меня там дочь осталась!

Так, прекратить истерику! Лена — взрослая женщина, с образованием, уже стоящая на собственных ногах. Если я что хорошее в той жизни и сделала, так это успела ее вырастить. Она справится. И я справлюсь. Потому что ад или не ад, но я чувствую себя чересчур живой для покойницы. Да, слабость как после болезни, но я все-таки жива, пусть, кажется, и не в своем мире.

Имена и обращения слышались русскими, и говорили вроде по-русски, но стоило чуть вслушаться в слова, и они начинали звучать чудно, а смысл ускользал. Не по-русски мы говорили на самом деле. И не в России я оказалась, хоть вся обстановка и напоминала деревенский дом. Да не современный, а какой-нибудь древней прабабки.

Решетчатое изножье кровати, металлическое, с шишечками поверху. Печка в углу, когда-то беленая, сейчас серая. Пол, некогда покрытый лаком, теперь был протертым до темных пятен. Поверх него брошены разноцветные половички — длинные полосы ткани, переплетенные нитками. Бабушка ткала такие из старых вещей. Деревянные, а не пластиковые рамы, заснеженные ветки за стеклом.

Похоже, я попала. В прямом смысле. Я прикрыла глаза: голова крутом идет.

— Вот и умничка, — проворковала старуха. — Вот так, глазки закрывай и поспи, сил набирайся.

Какой тут сон? Глаза распахнулись сами. Бабка, не заметив этого, продолжала ворчать:

— А то ишь, вздумали вас хоронить! Накосся, выкуси! Она показала кому-то невидимому кукиш. Ласточка моя еще всех вас переживет!

— А... — начала было я, собираясь спросить: «А вы кто?» — но она не дала мне договорить.

— Отдыхай, Настенька. А я пока делом займусь.

Она исчезла за дверью. Но, похоже, далеко не ушла.

— Не пущу! — закричала на кого-то. — Мало вы бабыне кровушки попили!

— Не забывайся! — прошипел уже знакомый баритон.

Бабка охнула. Дверь с размаху шарахнула о стену, так что я подпрыгнула и села.

Тот, которого второй называл Виктором, устроился рядом с моей кроватью, грохнув стулом.

Сейчас, когда жар не туманил мне ни взгляда, ни разума, я могла его как следует разглядеть. Молод, едва ли старше тридцати. Прямой нос, четко очерченные скулы, широкие плечи, и рост, кажется, немаленький.

Хорош... был бы, если бы не надменное выражение лица и презрение во взгляде и голосе. Вот ведь, смотрит будто солдат на вошь!

Мужчина зыркнул мне за спину, в сторону двери, и та снова хлопнула, затворяясь.

Да сколько можно грохотать мне по мозгам! Они у меня, между прочим, после болезни. И у этого тела, похоже, тоже: не просто же так то слабость, то голова кружится.

— Нельзя ли потише? — поинтересовалась я.

— Вижу, вы чувствуете себя достаточно хорошо, чтобы капризничать, — усмехнулся он. — Значит, поговорим.

Взгляд его опустилсЯ мне на грудь, вернулся к лицу. Я мысленно ругнулась, подтянула одеяло повыше: белый батист ночнушки, в которую меня облачили, ничего не скрывал.

Мужчина снова нехорошо улыбнулся.

— Что, не приспустите рубашку с плечика и не посмотрите на меня страстным взглядом?

Размечтался!

— Полагаю, вам доводилось уже видеть женщин, так что я вряд ли явлю вашему взору что-то новое, — не удержалась я от ехидства. — Кстати, а вы вообще кто?

Глава 2

Обрывки подслушанного разговора крутились в памяти, но стоило убедиться, что я помню все правильно.

Во взгляде мужчины промелькнуло недоумение, которое быстро превратилось в злость.

— Решили сменить тактику?

— Не понимаю, о чем вы.

— В самом деле не понимаете? Или сообразили, что капризы и мольбы больше не помогут, и решили притвориться, будто потеряли память?

Да мне вовсе незачем притворяться.

— Я действительно не понимаю.

Он встал, издевательски и вместе с тем удивительно элегантно поклонился.

— Виктор Александрович, ваш супруг.

Как он так умудряется в каждом слове, вроде бы спокойно сказанном, в каждом жесте, вроде бы изящном, демонстрировать издевку? Изысканное хамство — кажется, не подкупаешься, а бесит.

— И за какие грехи мне досталось этакое сокровище? — буркнула я себе под нос, но он услышал.

— Вам виднее. Я вам не исповедник, а муж. — Он широко улыбнулся. — Впрочем, через некоторое время перестану им быть. Заседание консистории назначено на осень.

— Простите, а эта самая консистория — это что?

Мало ли, вдруг какая местная инквизиция и нужно делать ноги, пока жива.

— Все же в вас пропала гениальная актриса, — не унимался он. — Консистория рассмотрит вопрос о нашем разводе. И если вы полагаете, будто это пустые угрозы или что ваши ужимки заставят меня передумать... Не передумаю.

— И слава богу! — вырвалось у меня.

Виктор ошарашенно вытаращился на меня. Я прикусила язык. Пожалуй, не стоит убеждать его, что я действительно потеряла память. Не ровен час, поверит.

Коллегу этого местного притащит. Убедится, что жена ничего не помнит, да и передумает разводиться, решит перевоспитать. А мне зачем такое счастье? Красавчик, конечно, ничего не скажешь, но как-то не тянет меня спать с незнакомым мужиком, каким бы красавчиком он ни был. Да и характерец явно не подарок: вломиться к больной женщине только для того, чтобы наговорить гадостей!

— Что ж, я тоже обрадуюсь, когда наконец расстанусь с вами, — нашелся он. — Евгений Петрович сказал, что кризис миновал и ваше здоровье теперь вне опасности.

Да я еще вас обоих переживу. Из принципа!

— Я с ним расплатился.

— Спасибо.

Я сказала это безо всякого ехидства: в самом деле, человек избавил меня от лишней заботы. Но он ухмыльнулся так, что даже та благодарность, что едва-едва затеплилась во мне, разом испарилась.

— Не за что. Пока еще я ваш муж и свои обязательства помню. В отличие от вас.

Что ж между ними такое произошло? Насильно поженили, что ли? Такого, пожалуй, женишь насильно — где сядешь, там и слезешь. Впрочем, какая мне разница, чем ему жена не угодила? Главное, чтобы этот тип держался от меня подальше.

— Раз повода беспокоиться о вашем здоровье больше нет, я уезжаю. — Он словно прочел мои мысли. — Вы остаетесь.

— Счастливого пути, — вежливо улыбнулась я.

Виктор отчетливо скрипнул зубами, но тут же натянул на лицо безразличную маску.

— Распоряжайтесь вашим приданым как вам заблагорассудится.

Вот спасибо, разрешил мне распоряжаться моей же собственностью!

А что, если в этом мире, как в Англии девятнадцатого века, женщина не имеет собственности и даже ее платьями владеет муж, не говоря о приданом? При этой мысли меня прошиб ледяной пот. Нет уж, мое, то есть моей тезки приданое, каким бы мизерным оно ни оказалось, только мое. А муж пусть катится к лешему.

— Напомните, пожалуйста, в чем состоит мое приданое, — попросила я.

— Хотите и дальше притворяться? Развлекайтесь, мне уже все равно.

Я продолжала молча смотреть на него, и Виктор соизволил пояснить:

— Ваше приданое: имение, где вы сейчас находитесь, клочок леса и пара акров пашни. Деревни, как вы помните, ваш покойный батюшка продал, чтобы расплатиться с долгами, — злорадно добавил он.

Не помню, но это не имеет значения.

— Больше никаких долгов на мне не висит? — уточнила я.

— Нет.

Вот и хорошо. Я бы сказала, просто отлично. У меня есть где жить, и пусть дом выглядит неухоженным, пока мне хватит и того, что есть стены и крыша. У меня есть земля, которая всегда прокормит, руки и голова на плечах. Что еще нужно для полного счастья?

Повезло мне, на самом деле повезло. Я выросла в деревне и все выходные, все отпуска проводила в ро-